

В родной деревне Полтинино часто слышу ёмкие и яркие диалоги, в которых вся сельская жизнь как на ладони. При желании на крепкие косточки этих фраз можно нарастить увесистую плоть рассказов, но есть такие картины, которые не требуют золочёных рам. Сельчане вырезают из календарей, газет и журналов изображения букетов, фруктов, природы и припиливают на стены деревенских кухонь булавками, вынутыми из кружевных сколков¹, или простыми канцелярскими кнопками. Вот так же и эти полтининские картинки-беседы, словно вырезанные из действительности, не нуждаются в тесных оковах больших текстов.

Конец света

В Полтинине время от времени наступает конец света – отключают электричество. Это случается обычно в ветреную или снежную погоду. В такие ненастные дни мы запасливо наполняем термосы горячим чаем. На всякий случай.

Готовим мы, полтининцы, на электроплитках. Когда света нет, надежда только на термосы да на суп, который до обеда не остынет в русской печи, протопленной с утра. Электричества может не быть минут десять, а может – и весь день, и даже целые сутки. Зависит от того, где произошла поломка. Если провод ветром оборвало на дальней просеке за дамбой, то пока до неё доберутся электрики, пока починят – дело не быстрое. Деревенская жизнь – это тренировка терпения.

Газа у нас в Полтинке нет, наверное, потому, что мы живём в самой богатой природными ископаемыми стране мира. Он есть в соседнем Палкине, но разве потянут линию ради нескольких домов от деревни к деревне? О крестьянах никогда не думают, вопрос их комфорта повис в воздухе печной кочергой под закопчённым потолком и нагло держится там вопреки всяким законам физики. Как только его задаёшь, кочерга больно падает тебе на лоб, чтоб лишку не умничал, и уже очень многие мудрые люди об этот вопрос сломали себе голову.

В минувшую среду случился снегопад, а значит, и угроза рядового, будничного конца света. Спрашиваю у мамы:

– А когда в нашу деревню свет провели?

– Точно не помню. Но где-то в шестидесятых. Я тогда ещё в школе училась, – отвечает мама.

– А как вы до этого ужин готовили?

¹ Сколки – рисунки на плотном картоне, по которым плетут вологодские кружева: льняная нить в определённых местах сколка крепится к картону булавками.

– Зимой – на маленькой печке ¹, а весной – вон под той берёзой, – и показывает на белоствольную великаншу, которую я помню столько, сколько помню себя. – Мама вечером доит коров на ферме, а нам, детям, велит картошки на ужин наварить. Мы под берёзой теплину ² затопим и картошки наварим.

– А с чем, мама, вы картошку ели?

– Когда с солью, а когда с таким, больше у нас по весне ничего и не было, – отвечает мама.

Как отец отдыхал (почему деревенские парни не «косят» от армии)

Мама рассказывает:

– Отец твой, ещё когда в парнях ходил, уже с желудком мучился: как дрова поколет, так у него живот разрывается. Мужиков-то после войны в деревнях мало было, парни-подростки вместо них почти всю работу делали. В больницу отец ездил, ну посмотрели, конечно, врачи, но таблеток тогда ведь не было таких, как сейчас «Омез», да и работа всегда тяжёлая в колхозе. Уже в юности отец сильно болел. Но потом-то ничего, отдохнул.

– А где он отдохнул, мама? – спрашиваю я, предполагая, что, может, папе путёвку в санаторий дали или в больницу положили.

– Так в армию его забрали, – поясняет мама. – Там, в армии, и отдохнул. Круглолицый такой сделался, здоровенький, красивый. Живот болеть перестал. Кормили там хорошо: каши, суп, второе, компот! Да и работы ведь там всё равно не столь, как в колхозе. По дому, правда, отец сильно скучал. Два раза его только в отпуск парторг Шабанов для меня выписывал. Один раз под Новый год – дрова колоть, а другой раз в июле – на сенокос.

Спиридон или Сидор?

Весной в деревне днём и ночью поют соловьи. У каждого свой голос, своя тематика и своя сценическая площадка. Соловей, живущий у нас в огороде, поёт по-русски: трели его очень похожи на отдельные слова, причём он выбирает такие, чтоб были со звуками «н», «д» и «р». Полю с мамой клумбу с цветами, слушаем соловушку, я хвалю:

– Очень красиво! Как старается!

– Да, красиво, – соглашается мама. – Но привирает.

– Как это? – удивляюсь я.

– А заладил с утра: «Спиридон, Спиридон!» А какой же Спиридон, когда сегодня Сидор? – Я ему говорю: «Ошибся, соловушка! Спиридон-то когда ещё будет, милой? Зимой ведь – 25 декабря! А сегодня 27 мая – Сидор Бокогрей. Огурцы пора сажать».

Угу

У мамы насморк, но она по-крестьянски боится пользоваться лекарствами. Звоню ей по телефону прямо из города, из аптеки, спрашиваю:

– Мама, если я привезу капли в нос от насморка (такое-то название), ты будешь ими пользоваться?

– Угу, – обещает мама.

Привожу капли, мама ими не пользуется, потому что «страшно» и «не хочу».

– Мама, ты же сама по телефону сказала «угу».

– Это не я.

– А кто?

– Я тогда с тобой говорила на улице. Возможно, это была сова.

С капустой не люблю

Подвыпивший сосед приходит к моей маме:

– Ленка, я запил, печь не топил, в избе стужа! Есть нечего!

¹ Маленькая печка – временная железная печка, присоединяемая к русской посредством металлической трубы.

² Теплина (диал.) – костёр.

Мама напоила соседа чаем, угостила пирогами с капустой и отправила спать на русскую печку. Сосед выпался, протрезвел, с печи слезает и благодарит:

– Ленка, дай бог тебе здоровья! И отогрелся, и выпался! А пироги-то у тебя какие вкусные с мясом!

– С капустой, – поправляет мама. – Я с мясом-то не пекла.

– Не, – морщится сосед. – С капустой я не люблю.

«Потерпи, милая!»

У этого же соседа жила одна старая курица в гобце (подполье). Было ему жаль убивать птицу, да и зачем? Мясо у старой невкусное, подушку пером с одной курицы не набьёшь, так зачем живую душу зря губить? Когда сосед уходил в запой, у него не хватало сил спуститься в голбец, чтобы накормить курочку, и тогда он открывал крышку в подполье и крошил туда хлеба:

– Ты уж, милая, прости! Я запил. Вниз пока не полезу, а то убьюсь, не дай бог, кто тебя тогда, старую, прокормит?

«Почему грехи одинаковые?»

Как сосед из запоя выходит, так сразу едет в Вологду в храм на исповедь и причастие. Один раз вернулся из города и рассказывает:

– Меня уж и батюшка узнаёт. Подойду к нему на исповедь, а он: «Знаю, знаю! Опять пил да матерился? Почему у тебя всё грехи-то такие одинаковые? Хоть бы уж ты ради меня пить бросил! Представь, как слушать-то мне тебя надоело: каждый раз одно и то же!»

Шуточки прогресса

В советские годы во всех избах на стенах висели проводные радиоприёмники. Работали они в целом неплохо, пусть и принимали всего две-три волны. После развала СССР проводного радио на селе не стало. Начали покупать музыкальные центры и на них слушать радиостанции, в основном местные в диапазоне FM. Изменились технические характеристики вещания, и это радио тоже стало работать под настроение: день нормально, два – шум да помехи. Свои, полтининские жители, просят меня, журналиста, узнать, что можно сделать. Узнала: надо писать в Москву электронное письмо большому начальству. Родители спрашивают:

– А марки-то к этому письму где продают? И какие они?

Как смогла, объяснила принцип работы электронной почты. Родители:

– Вот прогресс до чего дошёл! Чего-то только не придумают! Одного только придумать не могут, чтоб в деревне радио разговаривало.

Так и помянешь покойного Башлачёва ¹:

Не достал нас «Маяк»,
Но концерты по заявкам сельчан
Каждую ночь под окном
Исполняет сводный хор кобелей.

«Стихи хорошие, но морду бы набил!»

Знакомый моих братьев, деревенский мужик, в новогоднюю ночь зашёл к нам в гости и просит меня:

– Ты, Наташка, всё с писателями да с поэтами общаешься, почитай мне, как Дедушке Морозу, нынешнее стихотворение, но только не заумное, а чтоб за душу крепко зацепило.

Читаю ему наизусть «Хозяйку» Александра Башлачёва. На словах «А ты ответишь: “Это ничего” и тихо покачаешь головою» он украдкой смахивает слёзы. Закончила читать, мужик говорит, нажимая кулаки и сильно по-вологодски окая:

– Стихи-то хорошие, но морду бы я этому поэту набил! Надо ж так не по-людски хорошую бабу обидеть!

¹ Четверостишие из текста Александра Башлачёва «Зимняя сказка».

«Кто-то должен»

Мама смотрит кино, идёт современная мелодрама якобы из деревенской жизни, из бесчисленного количества тех, где в колхозницу влюбляется миллионер из Москвы. Говорит мне:

- Посмотри фильм.
- Мама, я не хочу. Я такие фильмы не люблю.
- Их никто не любит.
- А зачем тогда смотреть?
- На съёмку деньги казённые тратили. Кто-то должен смотреть.

«Откуда дураки приехали?»

Бабушка часто мне рассказывала, что моя мама Лена, когда была маленькой, не умела толком плакать, а только хныкала. Тогда у неё спрашивали:

- Ленка, откуда дураки-то к тебе приехали?
- Из Полежайки, – отвечала она и после этого вопроса со временем успокаивалась. Полежайка – нежилая ныне деревня, пустое поле без единой избы. Интересуюсь у мамы:
- Почему ты плакала?
- Так болело что-то, наверное, или уши, или зубы. Нас, ребятшек, тогда как лечили-то: на печку загонят, вот и все лекарства.
- А почему дураки из Полежайки?
- А тебе откуда надо? В Полежайке-то дураки самые лучшие, не сомневайся!

«Алка за всех поживёт»

Моя тётя Люся, старая доярка, стойко борющаяся с онкологическим заболеванием, рассуждает о тех событиях, когда Алла Пугачёва с большой помпой приехала на вокзал:

- И чего это Алку Пугачёву все ругают? Ни у кого из нас жизни не было – одна работа! А как работать кончили – одни болезни! Так пусть хоть Алка за нас за всех поживёт.

Оптимистка

Дорогими стали корма, и невыгодно стало держать скотину, все в деревне от неё избавляются, кроме тёти Люси, она не спешит подворье «нарушить» (то есть пустить под нож).

- Тётя Люся, а вы почему всё ещё скотину держите? – интересуюсь я.
- Я у тебя тётка-оптимистка! – весело машет рукой тётя Люся.

«То ли я их, то ли они меня»

Один мужик, как его ни отговаривали, решил заняться фермерским хозяйством и разводить птицу. Тут в очередной раз корма подорожали. В деревне его спрашивают:

- Ну как идёт хозяйство?
- Да как сказать... Кормлю я птицу, а сам каждый раз в уме расходы на корм считаю и думаю: вот то ли это я их ем, то ли они меня, – отвечает мужик.

Шполотенце в шпакетике

Брат Женька собирается покупать мне подарок на день рождения. Честно предупреждает:

- Наташка, получку в колхозе не дают, поэтому денег нет, в город поехать не смогу, покупать буду в сельмаге. Чего хочешь: шоколад или шампунь?
- Ни то, ни другое. Там банное полотенце продают голубенькое с белыми ромашками, так вот хочу его в подарок.
- Нельзя, – сурово обрубает Женька.
- Почему?
- Сельсовет принял постановление, в сельмаге подарки теперь дают только на букву «Ш», так что либо шампунь, либо шоколадка.
- Ну что делать, – развожу я руками. – Давай шоколадку.

В день рождения брат приносит подарочный пакет, а в нём полотенце то самое, с ромашками, шампунь с бальзамом и шоколадка. Я нарочно хмурюсь:

– Ты что это, брат, постановление сельсовета нарушил? Можно только на букву «Ш». А ну как нас с тобой теперь арестуют?

А брат отвечает:

– У меня всё законно: шпалотенце, шампунь, шбальзам, шоколадка – всё в шпакетике!

Два куска отнюхал

В детстве часто ходила я со старшими братьями на охоту. Разница у нас в возрасте большая, они были уже взрослые мужики, а я – ещё школьница. Двоюродный брат Димка, ныне покойный (он рано умер от онкологии), в те трудные годы работал егерем в посёлке недалеко от Вологды. В нашей деревне мы, подростки девяностых, редко видели шоколад, конфеты, сыр, колбасу и фрукты. За ними надо было ехать в город, и Димка из Вологды всегда привозил мне что-нибудь вкусное. Как-то раз идём зимой с братьями на охоту, а Женька спрашивает:

– Димка, это у тебя, что ли, из рюкзака копчёной скумбрией пахнет?

– Это не тебе пахнет, а Наташке, а ты зря не нюхай, – строго предупреждает Димка.

Устраиваемся на привал, чай у костра пить, Димка для меня скумбрию разрезает, а я страсть, как её люблю и по сей день: чтоб есть её на куске чёрного хлеба, да чтоб кусок потолще, чтоб сок от неё по пальцам тёк, чтоб разваливалось рыбе мясо на янтарные пластинки... Но я, конечно, делюсь с Женькой, и ему тоже кладу два ломтика рыбы на кусок. Димка замечает и ворчит:

– Все равно уж два куска себе отнюхал!

Родная кепка

Не стало Димки, ушёл он в мир иной. Поминаем его с мамой да сестрой Ниной, ему она родная, а мне – двоюродная. Нинка говорит:

– Я Димкину кепку не отдам никому.

В наших деревнях после ухода человека из жизни принято вещи покойного обязательно раздать после сорокового дня.

– Почему? – спрашиваю.

– А на ней Димкин запах остался. Как соскучусь, так понюхаю да к себе прижму.

Слушаю я сестру и думаю: в деревне на одного живого слишком много покойных приходится, и среди них не только и не столько старики, как принято считать. Пьянка, болезни, несчастные случаи уносят и молодых, и даже детей. Не успеешь ещё и повзрослеть толком, а память уже становится досадной и тяжёлой ношей, будто на исходе лет, но ко всему привыкаешь, и начинаешь буднично жить на два мира: не только среди живых, но и среди умерших родных, друзей, одноклассников, иных близких – навсегда любимых.

Упадёт!

Охотники стараются держать в тайне места любимых глухариных токов. Послушать глухариную песнь – это всё равно что саму весну во плоти в лесу повстречать. Найти самому ранее неизвестный людям ток – оставить своё имя потомкам. Заповедные места передаются как бы по наследству: от отца – детям, от деда – внукам, от дяди – племянникам. Стало токов мало в последние десятилетия, и охотники зачастую уже не стреляют птицу, а просто ходят посмотреть да послушать. Снимают видео, делают фотографии, друг другу потом показывают. Это и есть их трофеи.

Брат хвалит нашего племянника Сергея, который снял видео с поющим глухарём, но сетует, что фотографии получились не очень чёткие. Я предлагаю позвать на ток моего коллегу, профессионального фотографа с очень дорогой и чуткой фототехникой:

– Он так хорошо снимет, как для National Geographic!

Брат понимает, что придётся ток показать чужому человеку, и пугается:

– Не-не! Он туда и дойти-то не сможет! Это ведь привычку надо иметь. Сама знаешь, каково это – на ток идти.

Я знаю: вставать надо рано утром, почти ночью, путь на ток долгий и трудный, то по узкой тропе между двумя мелиоративными канавами, то через болото, а подбираться к токующему глухарю – целое искусство, которому в семьях охотников учат с детства: нужно быть тихим, ловким и юрким, как мышь. Но истинная причина, почему брат не хочет звать фотографа, всё же не в этом. Я решаю Женьку поддразнить:

– Чего это не сможет? Он парень тренированный. И не в таких переделках бывал, в горах Алтая снимал и даже в Тибете.

– У нас не Тибет! Сама подумай: там же иди по тропе между двух мелиоративных канав. Как по бревну! Скользко! Снег уже мокрый будет, а в канавах – воды выше моей головы. Упадёт ещё! Закупается!¹ Кто за него отвечать потом будет?

– В горах и не такие узкие и опасные тропы бывают, он же не упал. С чего бы ему у нас падать?

– А я сказал: упадёт! – отрезает Женька и поскорее сбегает от меня на кухню, показывая, что всякий разговор на эту тему закончен.

Колонной по три

В Вологодской области расплодился бобр. Безобидные, казалось бы, строители мира природы вдруг начали наносить большой вред дорожному хозяйству: они перекрывают плотинами мелиоративные трубы под мостами и затапливают дороги. Дорожники плотину с утра разберут, бобры за ночь новую построят, и так до бесконечности. А всё почему? А потому, что после развала СССР уничтожена система приёма пушнины на меховые фабрики. Охотникам попросту стало невыгодно бобров добывать: сил и денег потратишь много, а шкуру продать некуда и некому. Вот популяция и вышла из берегов.

Тогда власти решили запустить программу по переселению: мол, надо животных живьём ловить и вывозить в те регионы, где их мало. На бумаге-то всё разумно выглядит, а на самом деле бобра хоть живым, хоть мёртвым добыть одинаково тяжело. Тем не менее охотничьим бригадам дали поручение организовать переселение, а мой брат как раз бригадир. Спрашиваю его:

– Ну как идёт выдворение бобров?

– Плохо, – качает головой брат.

– Что так?

– А неграмотные они, заразы! Телевизор не смотрят, радио не слушают, газет не читают. Придётся на берег, а они до сих пор ни слухом ни духом! Им по графику через час выселяться, а они ещё и шмотки не собрали!

– И как быть?

– Я выйду на берег да как заору: «Бобры! Бобры!» Они высунутся из воды, я спрашиваю: «Мужики, который из вас тут староста? Выходи!» Они: «У нас не староста, мы плотники, так у нас прораб». Я им: «Ну зовите и прораба. Постановление сейчас читать буду от правительства о выселении, на новых землях выдадут вам каждому по своей плотине». Прораб выйдет, я с ним потолкую, тогда уж начинают вещи в хатках собирать помаленьку. Построятся в колонну по три, пожитки в узелках взвалят на плечи и маршируют на выселки. Прораб впереди шагает, а бобрята матери за лапы ведут.

– Неужели никто из бобров не протестует?

– Протестантов велено на Колыму выселять, так уж они помалкивают.

¹ Закупается (диал.) – утонет.